

**АВТОРСКИЙ КОД В. ИРВИНГА В СТРУКТУРЕ РАССКАЗА
Б. АКУНИНА «ДОЛИНА МЕЧТЫ»**

В статье рассматривается рассказ Б. Акунина «Долина Мечты» с позиции присутствия в нем «чужого» авторского кода, выявляется воздействие последнего на жанровую структуру детективной новеллы, хронотоп, систему персонажей, заголовочный комплекс, повествование.

Ключевые слова: Б. Акунин, В. Ирвинг, авторский код, жанровая форма, хронотоп, схема сюжета.

Заметной чертой современного литературного процесса является широкое использование интертекстуальных связей, и Б. Акунин — один из тех писателей, которые применяют эту стратегию для создания собственных текстов, при этом он нередко не ограничивается включением в повествование узнаваемых для читателя аллюзий и мотивов, а полностью подчиняет структуру создаваемого произведения «чужому» авторскому коду. Понятие авторского кода наиболее удачно раскрывает Е. Фарино, замечая, что «творчество одного автора от творчества другого отличается прежде всего репертуаром признаков, предпочтений и, более того, устойчивой связью определенных признаков с определенными смыслами. <...> Это постоянство признаков и их значимостей называют обычно авторским кодом» [1, с. 48].

Показательным примером присутствия такой дефиниции в художественном мире Б. Акунина является рассказ «Долина Мечты», включенный в сборник «Нефритовые четки». Произведение ориентировано на новеллу американского писателя-романтика первой половины XIX века Вашингтона Ирвинга «Легенда о Сонной Лощине» из сборника «Книга эскизов» (1819).

Код Ирвинга в акунинском тексте выделяется уже на уровне заголовочного комплекса. Заглавие обоих произведений указывает на место, где развиваются события — Долина Мечты и Сонная Лощина, а лексемы «*долина*» и «*лощина*» являются синонимами в русском языке (согласно толковому словарю, лощина — «долина с пологими склонами» [2, с. 342]). Кроме того, в рассказе Акунина упоминается и англоязычное название местности — Дрим-вэлли (Dream valley), которое можно перевести как «сонная долина», так как слово «dream» в числе прочих значений имеет семантику «сон, сновидение» [3]. В тексте же Ирвинга для обозначения лощины, помимо «Sleery Hollow», звучит и «valley», то есть «долина». Значим в организации интертекстуальной связи и присутствующий в первоисточнике эпиграф (фрагмент поэмы Д. Томсона «Замок Лени»), где для характеристики пространства используется слово «мечта», его и переносит Акунин в заглавие рассказа. Таким образом, интертекстуальная связь двух наименований более чем очевидна.

Задействован в формировании интертекстуальных отношений и тип художественного пространства, причем его особый статус выделяет заголовок обоих произведе-

---

* © Щеголькова О.В., 2014

Щеголькова Ольга Владимировна (sch_ol@inbox.ru), кафедра русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

ний, обозначающий, как было сказано, место действия. Характерной особенностью хронотопа является не только то, что события разворачиваются в Америке (в том и другом произведении упоминается река Гудзон) в равнинной местности, но и то, что указанное пространство представляет собой некий замкнутый мир с весьма колоритными традициями, привычками, взаимоотношениями.

Основу сюжета в рассказе В. Ирвинга составляет история о призраке долины — Всаднике без головы: «Говорят, будто это тень одного гессенского кавалериста, которому в какой-то безымянной битве революционной войны пушечное ядро оторвало голову и который время от времени, словно на крыльях ветра, пронесится в ночном мраке пред местными жителями» [4, с. 51]. Эту легенду использует один из претендентов на сердце первой красавицы Сонной Лощины, чтобы устранить соперника. Икабод Крейн, местный учитель, питает слабость к Катрине ван Тассель, он поражен фермой ее отца, и «сердце его возжаждало наследницы этих богатств» [4, с. 59]. Но за Катриной ухаживает и Бром Бонс, «герой здешних мест, молва о подвигах и силе которого гремела в окрестностях» [4, с. 61]. Бонс решает напугать учителя, зная, что тот крайне суеверен, так как, по словам Крейна, он много раз при возвращении домой испытывал ужас, «ибо ему чудилось, что это мчащийся во весь дух гессенец, который, как всегда в эту пору, рыщет в поисках своей головы» [4, с. 57]. На одном из вечеров у ван Тасселей Бонс рассказывает о собственной встрече с привидением: «когда он возвращался однажды ночью из соседней деревни Синг-Синг, его нагнал полуночный всадник; Бром предложил померяться в скачке, обещая, в случае поражения, поднести “безголовому” чашу отменного пунша» [4, с. 72]. Выслушав историю о безумном галопе наперегонки с призраком и еще дюжину страшных рассказов, учитель возвращается домой, причем на пути его встречает необычного вида наездник: «голова, которой полагалось быть на плечах, болталась у луки его седла» [4, с. 77]. Крейн пускается бежать от страшного видения «сломя голову, не разбирая пути, куда глаза глядят» [4, с. 77], и когда ему кажется, что он уже спасен — «призрак приподнимается в стремени, размахивается и бросает в него своей головой» [4, с. 78]. Любопытно, что В. Ирвинг разрушает мистический ореол, превращая ирреальное происшествие в комическую историю. Утром на месте таинственного события находят разбитую тыкву, а на лице Бонса всякий раз, когда рассказывают о случившемся с Икабодом, появляется лукавое выражение.

Существенно важным в данной истории оказывается не только мистический мотив, позднее обнаруживающий ложность, но и matrimониальные отношения между героями, являющиеся пружиной сюжетного развития. Последнее, кстати, намеренно акцентируется в тексте произведения подобными фразами: «Икабод Крейн прожил бы, вероятно, спокойную и счастливую жизнь, не повстречай он на своем пути существа, доставляющего смертным неизмеримо больше хлопот и мучений, нежели духи, привидения и вся порода волшебников и чародеев, взятая вместе. Этим существом была женщина» [4, с. 57]. Или: «Икабоду, однако, предстояло пробиться к сердцу сельской кокетки <...>; ему предстояло столкнуться с кучей свирепых соперников, бесчисленных деревенских воздыхателей, наделенных самой настоящей плотью и кровью...» [4, с. 60]. Кроме того, значимость этих компонентов в целом подчеркивается и упоминанием жанра по ходу повествования («в согласии с правилами истинно *романтической повести*» (курсив мой. — *О.Ш.*) [4, с. 65 и др.]). Указанные элементы сюжета обуславливают в системе персонажей наличие любовного треугольника и способы создания образов. Два главных претендента на руку Катрины ван Тассель противопоставлены друг другу внешностью, свойствами характера, привычками, степенью популярности у окружающих. Причем главный герой новеллы Икабод Крейн обрисован весьма иронически, тогда как его противник представлен как

«дюжий, суматошный и буйный молодой человек», который «пользовался славой отличного наездника» и «пребывал во всегдашней готовности учинить драку или какую-нибудь забавную выходку» [4, с. 60–61]. Эти особенности учитывает Б. Акунин в «Долине Мечты». Он концентрирует в Теде Рэтлере те свойства, которые являются центральными в Броне Бонсе. Да и фигура его сквозного героя подвергается корректировке согласно авторскому коду Ирвинга. Например, в этом рассказе писатель приобщает Фандорина к учебному процессу (он, правда, не учитель, а вольнослушатель инженерных курсов), кроме того, сыщик подобно прототипу испытывает на себе различные подвохи и каверзы со стороны противников (нападение во время прогулки по вечернему Нью-Йорку, порча тормозов «Бенца-Вело», обстрел вагона бандой Черных Платков), но до начала основных событий списывает неприятности на доктора Линда. Этой же цели подчинено и снижение образа («Кому бы пришло в голову, что чумазое чучело, торчащее на ступеньке паровоза, и есть знаменитый бостонский сыщик?» [5, с. 279]) в сцене его появления перед полковником Старом. Момент же открытой конфронтации оппонентов из-за внимания барышни обозначен в одном из последующих эпизодов «Долины Мечты» (сцена несостоявшейся дуэли). Таким образом, и в организации системы образов, и в способах создания персонажей в рассказе Акунина заметна ориентация на авторский код Ирвинга.

Повествование в «Сонной Лощине» также обладает спецификой, поскольку фигуре нарратора (личному повествователю, по классификации Б.О. Кормана) свойственна ограниченность кругозора, он не обладает необходимым всеведением, а кроме того, он позиционируется как выходец из данной местности («Вспоминаю, что в дни юности именно здесь, в роще, прикрывающей один из склонов лощины, среди высоких ореховых деревьев, я застрелил свою первую белку» [4, с. 50] и др.). Б. Акунин, сохраняя свойственную «фандоринскому циклу» форму повествования от 3-го лица, несколько модифицирует организацию нарратива, включая в него вводные слова, оценочные выражения, делающие процесс «говорения» заметным, а также используя частый переход на позицию персонажа. В совокупности эти приемы, как и в первоисточнике, формируют ограниченность кругозора основного субъекта речи.

Однако более всего присутствие авторского кода Ирвинга в «Долине Мечты» заметно на уровне сюжета. Акунин использует элементы фабулы американского писателя, причем значительно трансформирует их. В структуре повествования есть собственный вариант легенды о безголовом всаднике. Кстати, ее включение в текст маркировано названием одной из глав («Безголовый всадник»), что также напрямую указывает на авторский код Ирвинга.

Первые неясные сведения о таинственном индейце («сызнова Безголовый объявился» [5, с. 317]) Фандорин слышит в салуне Сплитстоуна, куда он приехал с поручением разобраться в необъяснимых происшествиях. Живущая в Дрим-вэлли община русских эмигрантов заявляет о том, что подвергается нападениям со стороны обосновавшейся в долине банды Черных Платков, убивающей скот, сжигающей поля с урожаем, однако никто из местных жителей, в том числе и обитающий в непосредственной близости от коммунаров клан мормонов, о ней не слышал. Затем, пытаясь выяснить, не причастны ли религиозные соседи к атакам на русских, Эраст Петрович встречается с селестианцами («небесными братьями») и уже непосредственно от них узнает историю индейца по прозвищу Расколотый Камень.

В рассказе Ирвинга легенда дается без подробностей, причем упоминает о ней повествователь. У Акунина предание о призраке детективу открывает старейшина мормонов, причем дает подробное, детальное описание жизни краснокожего, который боролся с американцами, отстаивая территории, а в конце жизни сдался войскам и был повешен, однако во время казни «позвонки не выдержали, и на веревке осталась

болтаться лишь оторванная голова с шеей» [5, с. 360]. Это воспринимается как дурное предзнаменование — «Добра не жди. Индеец вернется за своей головой» [5, с. 360], а позднее появляются слухи о встречах с безголовым всадником.

Показательно, что никто из мормонов не сомневается в истинности рассказа, и Фандорин воочию видит страх в поведении этих воинственных людей, а главное, ему демонстрируют результат одного из столкновений с призраком — труп юноши со следами ужаса на лице и пронзенными барабанными перепонками. По преданию, при жизни индеец прокалывал своим жертвам уши, чтобы предупредить возвращение их душ.

Важно отметить, что по мере разворачивания сюжета с привидением в обоих текстах нагнетаются мистические подробности и создается атмосфера страха. В новелле Ирвинга достоверность легенде придает история Брома Бонса о встрече с всадником: «Эти рассказы, сообщаемые глухим ровным голосом, каким обычно беседуют в темноте, а также лица слушателей, время от времени освещаемые внезапно вспыхивающим огоньком трубки, глубоко запечатлелись в душе Икабода» [4, с. 72]. В произведении Акунина человеком, который постоянно говорит о безголовом всаднике и пророчит беду, является негр Уошингтон Рид. Думается, подобное имя персонажу дано не случайно и пародийно отсылает сразу к двум писателям — Вашингтону Ирвингу и Майну Риду (с его романом «Всадник без головы»), рассказавшим историю о таинственном наезднике первыми. Акунинский герой когда-то был свидетелем расправы над Расколотым Камнем. И теперь он заявляет об этом в салуне, когда только пришла весть о новом появлении Безголового: «Я всегда говорил, что он вернется. Пока не найдет, чего ему надо, не угомонится. И я бы не поставил на то, что он ограничится одной долиной. Ох, плохие дела» [5, с. 317]. Именно Рид сообщает о том, что он встречал всадника и раньше: «Я как-то раз, лет восемь назад, видел, как он гнал вдоль Кривого Каньона на своем чубаром» [5, с. 317]. В совокупности эти рассказы становятся дополнительным свидетельством того, что фантом действительно существует.

На следующем этапе сыщик сам оказывается участником мистического события. Причем автор любопытно обыгрывает этот характерный элемент первоисточника, предлагая читателю две «реальные» встречи героев с призраком, одна из которых содержит немедленное разоблачение и комическое осмеяние происшествия:

«— Ты что?! — зашипел на него Эраст Петрович, но японец лишь разевал рот, пучил глаза и тыкал пальцем в пространство.

Фандорин обернулся и в первый миг тоже обомлел.

Из темноты выплыла серая лошадь, на которой покачивался серый же всадник. Над плечами у него ничего не было — лишь чернота.

— Это он, Расколотый Камень! — прохрипел Маса, перекрестился по-православному и забормотал буддийскую молитву. <...>

Конный поднял руку, и оказалось, что кисти у него тоже нет — один рукав.

— Всем привет! — закричал безголовый сипловатым голосом, который показался Фандорину знакомым. — Вот он я, как обещал!

Видение приблизилось к факелам, и стало видно, что у него есть и голова, и руки — просто черные. Это был Уошингтон Рид, темнокожий игрок из салуна» [5, с. 365–366].

Зато вторая мистическая встреча обрастает дополнительными свидетельствами достоверности. Оказывается, что осталась голова легендарного индейца (она все это время хранилась заспиртованной в банке на барной стойке салуна, получившего характерное название «Голова индейца»), и мормоны вознамерились вернуть ее призраку, дабы он оставил их в покое. Участником этого события с появлением фигуры

безголового всадника и трагической гибелью одного из селестианцев (от страха тот отступает и вместе с ужасающей ношей, которую должен был «вернуть», падает в пропасть) становится Фандорин.

Показательно, что этот центральный для обоих сюжетов эпизод максимально создает ситуацию ирреальности происходящего. В новелле Ирвинга появление призрака показано с позиции главного героя Крейна: «В мрачном и упорном молчании неотступно следовавшего за ним ночного всадника было что-то таинственное и грозное» [4, с. 77]. В «Долине Мечты», как уже было сказано, Фандорин присутствует при данном происшествии: «Он был на могучем пятнистом коне, сам неестественно огромен, а над широченными плечами ничего – пустота!» [5, с. 396]. Очень важно, что детектив не дает оценки необъяснимому явлению, он не может с уверенностью сказать, был ли это действительно призрак. Такое отсутствие опровержения создает впечатление о возможности нереального, которое сохранится у читателя вплоть до кульминации сюжета. Подобная расстановка акцентов делает интригу в произведении Б. Акунина более напряженной.

Для обоих рассказов ключевым является момент разоблачения. В новелле Ирвинга он складывается из нескольких составляющих: описания моста, на котором в Крейна ударила «голова» всадника («была найдена шляпа несчастного Икабода и рядом с ней – разбитая вдребезги тыква» [4, 79]), и поведения Бонса («при упоминании о большой тыкве он неизменно начинал заразительно и громко смеяться, что и подало основание предполагать, будто он знает больше, чем говорит» [4, с. 80]). В совокупности эти детали обеспечивают комический эффект, уничтожая атмосферу страха, возникшую ранее.

В рассказе Акунина разоблачение происходит, когда Фандорин проникает в логово разбойников, где узнает коня безголового всадника и находит его одежду: «Эраст Петрович подобрал с земли длинное пончо, под плечи которого было подложено нечто вроде несложного деревянного крепления с обручем, а спереди в ткани прорезано отверстие для лица. Если надеть обруч на лоб, получался огромный безголовый силуэт. Посмотришь издали, да еще ночью или на рассвете – напугаешься» [5, с. 410].

Показательно, что другая составляющая детективной интриги в тексте Б. Акунина (линия банды Черных Платков) также строится с ориентацией на авторский код Ирвинга. По сути, писатель использует два ключевых мотива «Легенды о Сонной Лощине» – мотив мистификации (разыгранного спектакля) и мотив ее разоблачения, которые и организуют движение указанной фабульной линии и структуру сюжета рассказа в целом. Виновниками происшествий с мнимым привидением и несуществующей бандой, а также с искусно подделанными залежами золотоносной руды, обнаруженными Фандориным в горном логове шайки, окажутся хозяева владений, стремящиеся поднять цену за земельный участок. Нужно отметить, что Акунин использует и обозначенную у Ирвинга ситуацию матримониальных отношений, однако не разворачивает ее в любовный конфликт (как в первоисточнике), а делает составляющей детективной интриги. При этом он выводит в качестве инициатора мистификации и ее главного сценариста не претендента на руку наследницы богатого фермера, а саму барышню, стремящуюся увеличить сумму собственного приданого. Такое переворачивание исходной ситуации переводит матримониальный конфликт в проблему человеческих типов, ментальности, разницы культур (этому, кстати, служит и воспроизведенный в деталях по ходу действия национальный колорит Америки).

Таким образом, использование «чужих» авторских структур позволяет Акунину развить заложенные в первоисточнике конфликты, сделав их более актуальными для современности.

Библиографический список

1. Фарино Е. Введение в литературоведение: учебное пособие. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 639 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений / Российская АН. Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. М.: Азъ, 1992. 944 с.
3. Англо-русский словарь LingvoUniversal. URL: <http://www.lingvo.ru/lingvo/Translate.asp?from=main> (дата обращения: 11.11.2013).
4. Ирвинг В. Новеллы: пер. с англ. А. Бобовича / сост. и вступ. ст. А. Зверева. М.: Правда, 1987. 352 с.
5. Акунин Б. Нефритовые четки. М.: Захаров, 2012. 704 с.

References

1. Farino E. Introduction to the study of literature: work-book. SPb: Izdatelstvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2004. 639 p.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of Russian language: 72500 words and 7500 phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. Institute of Russian Language; Russian fund of culture. M.: AZ, 1992. 944 p.
3. English-Russian dictionary LingvoUniversal. URL: <http://www.lingvo.ru/lingvo/Translate.asp?from=main> (date of reference: 11.11.2013).
4. Irving W. Novels: translation from English by A. Bobovich / compiler and introductory article by A. Zvereva. M.: Pravda, 1987. 352 p.
5. Akunin B. The Jade Rosary. M.: Zakharov, 2012. 704 p.

O.V. Schegolkova*

AUTHOR'S CODE OF W. IRVING IN THE STRUCTURE OF THE STORY BY B. AKUNIN «DREAM VALLEY»

The article considers the story by B. Akunin «Dream Valley» from the position of presence of «foreign» author's code; the impact of the latter on the genre structure of detective novels, chronotope, system of characters, headline complex, and narrative is revealed.

Key words: B. Akunin, W. Irving, author's code, genre form, chronotope, scheme of the subject.

---

* *Schegolkova Olga Vladimirovna* (sch_ol@inbox.ru), the Dept. of Russian, Foreign literature and Methods of Teaching Literature, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, 443099, Russian Federation.